

ИЗОТОПИЯ КАК СПОСОБ ОФОРМЛЕНИЯ СУБСТАНЦИИ СОДЕРЖАНИЯ

В статье рассматривается изотопия как способ оформления субстанции содержания в высказывании и/или тексте. Особый интерес вызывают при этом такие высказывания, в которых актуализировать можно сразу несколько разных, причем взаимно исключающих изотопий. Наиболее наглядным тому примером являются неоднозначные выражения. Такие выражения противоречат, конечно, принципам «кооперативного» общения, зато позволяют уяснить, как задается сообразно пониманию формат толкования: как складываются отношения изотопии между семемами и как меняется вместе с этими отношениями содержание входящих в высказывание семем.

А. Bochkaryov

ISOTOPIY AS A FORM OF CONTENT SUBSTANCE

The article considers isotopy as a form of content substance in an utterance and/or a text. Special attention is paid to utterances in which several different and at the same time mutually exclusive isotopies can be actualised. The best example of this is ambiguous expressions. Certainly, these utterances contradict the “cooperative” intercourse principles, but help to realise how the interpretation format is set according to comprehension: what the relations among isotopy and sememes are and how the contents of sememes in an utterance alters with these relations.

К обоснованию понятия изотопии. Понятие изотопии характерно преимущественно для европейской, прежде всего французской, семантики. С легкой руки А.-Ж. Греймаса¹ это понятие вводится в научный обиход в качестве необходимого и чуть ли не единственно возможного инструментария для изучения семной комбинаторики в анализируемых языковых произведениях. В этом предназначении изотопия способствует, безусловно, дальнейшему развитию компонентного анализа, по части хотя бы его экстраполяции на макросемантические образования — высказывания и тексты.

Под изотопией понимают рекуррентную последовательность семантических признаков в составе высказывания или текста. Минимальной изотопией при этом признают последовательность из двух семем, содержащих хоть какой-то общий семантический признак, а минимальным контекстом, позволяющим установить элементарное отношение изотопии, — синтагму. Например, в высказывании «l'eau coule» *вода течет* 'eau' *вода* и 'coule'

течет образуют минимальную изотопию, поскольку содержат общий видовой признак /текучесть/. Напротив, высказывание «l'eau chante» *вода поет* является аллопоным, поскольку входящие сюда семемы 'eau' *вода* и 'chante' *поет* не только не имеют общих сем, но и содержат к тому же несовместимый родовой признак: /неодушевленный/ vs /одушевленный/.

Изотопия предполагает, таким образом, отношение эквивалентности между двумя и более семемами, устанавливаемое на основе отношения тождества между образующими их семемами: ср. 'вода' /текучесть/ ≡ 'течет' /текучесть/.

1.1. *Избыточность.* Как следует из первоначального определения, изотопия коррелирует необходимым образом с избыточностью: ср. «Под изотопией мы понимаем избыточную совокупность семантических категорий»²; «Под изотопией обычно понимают “пучок избыточных семантических категорий”»³; «Изотопию образует избыточность лингвистических единиц <...> плана выражения и плана содержания»⁴ и т. д.

Определяя избыточность в терминах теории информации, нельзя не признать, что вероятность появления в сообщении единиц типа букв или звуков в естественных языках настолько велика, что невозможно найти такой язык, который не был бы так или иначе избыточным. По расчетам специалистов, избыточность русского языка, например, достигает 40%, английского и французского — 55%, а в некоторых других языках доходит даже чуть ли не до 70%⁵. Такая избыточность не имеет, разумеется, ничего общего с понятием изотопии в семантическом толковании, ибо определяется в отношении к единицам выражения, а не семантическому их содержанию.

Избыточность субстанции содержания также значительна, но по сравнению с субстанцией выражения определить ее в терминах теории информации намного сложнее. По замечанию группы μ , семантическую избыточность нельзя описывать «при помощи строгих правил»: «Семантическая избыточность отчасти основывается на логических правилах, отчасти — на прагматическом требовании, предъявляемом к процессу коммуникации, которое состоит в том, что любое сообщение должно быть связанным. <...> Иными словами, в сообщении должны присутствовать итеративные семы, или классемы»⁶.

Так избыточность отождествляется с итерацией семантических признаков, а точнее: с устанавливаемой при ее посредстве семантической связностью. Взяв в качестве примера фр. *boire* «пить», Ж. Дюбуа и др., в частности, констатируют, что данный глагол сочетается вероятнее всего с прямым дополнением со значением «жидкость»: ср. фр. *boire un verre d'eau* «выпить стакан воды». В противном случае можно констатировать если не «порчу» языка, то отклонение от правил сочетаемости ограничений: ср. фр. *toute honte bue* «выпив всякий стыд».

Так приходим к предварительным выводам:

- Понятие изотопии нельзя отождествлять с семантической избыточностью: в отличие от избыточности это не случайная, вероятностно статистическая, а исключительно релевантная семная рекуррентность.

- В качестве основания изотопии семная рекуррентность принимается во внимание не сама по себе, а как необходимое и достаточное условие семантической связности, а в пределе — понимания.

- Изотопию устанавливают не отвлеченно, а в отношении к осуществленной в высказывании интенции.

1.2. *Связность*. Всякая языковая последовательность, идет ли речь о высказывании или тексте, изотопна в той мере, в какой стремится к связности, аллотопна — в какой от нее уклоняется⁷. В этом качестве изотопия коррелирует отчасти с семантическим согласованием. Тем более что такое согласование базируется на семной рекуррентности: ср. «...текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты; если ни для одной пары синтаксически связанных друг с другом слов это правило не соблюдено, текст семантически не связан»⁸.

В качестве примера возьмем хотя бы выражение *le soleil noir de la mélancolie* «черное солнце меланхолии» из известного сонета Нерваля *El Desdichado* (1853). В тривиальном толковании это выражение аллотопно. Чтобы понять, читателю не остается ничего другого, как «скорректировать» нарушенную семантическую связность путем актуализации хоть какого-то афферентного признака, по которому можно установить отношение изотопии. Помимо уравнительного контекста в виде синтаксической конструкции N_1 de N_2 , весьма уместным здесь оказывается, безусловно, кодифицированное в системе культуры символическое значение *черного солнца* как антитезы *полуденного солнца*: ср. «черное солнце» → «катастрофа», «смерть», «потусторонний мир» vs «полуденное солнце» → «торжество жизни», «посюсторонний мир».

В конечном счете, именно такое нетривиальное значение и объясняет, почему в сонете на смерть возлюбленной ‘soleil noir’ *черное солнце* сочетается необходимым образом с ‘mélancolie’ *меланхолия*, а также ‘desdichado’ *обездоленный*, ‘ténébreux’ *темный*, ‘veuf’ *вдовец*, ‘inconsolé’ *безутешный*, ‘Achéron’ *Ахерон* и ‘Orphée’ *Орфей*. Рекуррентным семантическим признаком, по которому устанавливается в контексте изотопия, здесь является, бесспорно, /дисфория/.

Так приходим к следующим выводам:

- Всякое высказывание изотопно в той мере, в какой связно. Так, обеспечить связность синтаксически правильной, но семантически аномальной конструкции типа *le soleil noir de la mélancolie* «черное солнце меланхолии» можно, очевидно, лишь путем построения изотопии хоть по какому-то общему признаку.

- Устанавливаемая посредством изотопии связность обеспечивается как семантической, так и прагматической компетенцией. Так, в разбираемом сонете Нерваля «скорректировать» в контексте требования языковой системы можно лишь путем обращения к фоновым знаниям из области романтической поэтики. Именно такие знания и позволяют установить между семемами разных парадигм отношение изотопии и тем самым восстановить нарушенную семантическую связность.

- От семантической связности можно, по-видимому, заключать и к осмыслению.

1.3. *Единство осмысления*. Определяясь поначалу как условие связности, изотопия отождествляется впоследствии с пониманием — «осмыслением», «прочтением», «единообразным прочтением нарратива»⁹.

Убедительной тому иллюстрацией служит хотя бы разбираемый А.-Ж. Греймасом пример: *Cet homme est un lion* «Этот человек — лев»¹⁰. В возможном мире людей-львов такое суждение не вызовет, очевидно, сомнений в части истинности утверждаемого тождества, а только подтвердит не требующее доказательств положение: *все*

люди суть львы. В действительном же мире понимание возможно, по Греймасу, лишь при условии установления, хоть по какому-то итеративному семантическому признаку, отношения изотопии между семемами ‘homme’ *человек* и ‘lion’ *лев*.

Иначе говоря, чтобы понять, почему человек уподобляется льву, требуется уяснить, что общего может быть у данного индивидного представителя рода человеческого с хищным животным семейства кошачьих. Гипотетически здесь возможны разные варианты: человека можно уподобить льву как по признаку /смелый/ или /отважный/, так и по некоторым другим прототипическим признакам: /крупный/, /обильный волосяной покров/, /ест сырое мясо/ и т. п. Из потенциально возможных вариантов в качестве основания сравнения отбирается тем не менее /отважный/. Причем не потому, что человек не может ходить на четвереньках, есть сырое мясо или рычать, как лев, а потому, что в метафорической транспозиции вида ‘человек-лев’ этот признак является социально кодифицированным¹¹. Это, собственно, и позволяет устранить потенциальную неоднозначность и тем самым обеспечить «единообразное прочтение» проблемного высказывания в рамках построенной по этому признаку изотопии: ср. ‘homme’ *человек* /отважный/ ≡ ‘lion’ *лев* /отважный/.

Так приходим к принципиальным для теории изотопии выводам:

- Построение изотопии равнозначно «прочтению». Поэтому регистрируемая аналитиком семная рекуррентия должна учитываться в интерпретации не в плане избыточности и даже не в отношении к связности, а исключительно как фактор осмысления разбираемого высказывания и/или текста.

- Устраняя неоднозначность, изотопия обеспечивает единство «прочтения» в соответствии с известной герменевтической максимой: «...в правильном истолковании самые различные элементы должны сводиться к тому же результату»¹².

- В смысловом отношении презумпция изотопии есть не что иное, как требующая верификации гипотеза, а построение изотопии — как более или менее последовательная ее верификация.

- В качестве регулирующего фактора понимания изотопия устанавливается не столько по рекурренции априори данных семантических признаков, сколько по презумпции изотопии, позволяющей актуализировать именно эти, а не какие-то другие признаки. В этом качестве изотопия есть не что иное, как семантическое выражение «антиципации смысла»¹³.

- Презумпция изотопии зависит от стратегии. Именно избираемая интерпретатором стратегия задает формат толкования: как идентификацию семем, так и устанавливаемые между ними отношения изотопии.

- Понимание анализируемой последовательности, идет ли речь о высказывании или тексте, задается как семантической, так и прагматической компетенцией. Например, построение изотопии между семемами 'человек' и 'лев' по афферентному видовому признаку /отважный/ возможно только путем подгонки к заведомо известной модели понимания. За неимением такой модели нельзя с определенностью сказать, на каком основании *человек* уподобляется *льву*, по какому именно свойству устанавливается подобие и существует ли вообще какой-то другой идеальный образец для профилирования смелости и отваги.

2. *Типология изотопий*. В зависимости от критерия, положенного в основу классификации, во французской семантике различают семантические, фонетические, просодические, стилистические, риторические, пресуппозиционные и нарративные, денотативные и коннотативные, тематические и фигуративные, глубинные и поверхностные, родовые и видовые, чередующиеся и пересекающиеся изотопии.

Не вдаваясь в дебаты давно минувших дней, представляющие сегодня интерес, пожалуй, только для истории науки, об-

ратимся скорее к современной и наиболее оптимальной, на наш взгляд, классификации — типологии изотопий Ф. Растье¹⁴. В качестве основных критериев здесь избираются, в частности, 1) тип семантического признака, 2) протяженность изотопии и 3) дистрибуция компонентов.

Остановимся подробнее на каждом из указанных критериев.

2.1. *По типу семантического признака*. По типу семантического признака, участвующего в построении изотопии, различают *видовые* и *родовые* изотопии: видовые изотопии образуются по рекурренции видовых сем, родовые — по рекурренции родовых сем. Причем родовые изотопии делятся еще на микро-, мезо- и макрородовые изотопии: так, 'вилка' и 'нож', например, входят в отношение микрородовой изотопии по микрородовому признаку /столовый прибор/, мезородовой изотопии — по мезородовому признаку /питание/, макрородовой изотопии — по макрородовому признаку /неодушевленный/.

В рамках противопоставления «ингерентный» vs «афферентный» (признак) изотопии подразделяются к тому же на *ингерентные* и *афферентные*: ингерентные изотопии образуются по рекурренции ингерентных сем, афферентные изотопии — по рекурренции афферентных сем. Например, в романе Стендаля «Le rouge et le noir» *Красное и черное* (1830) 'rouge' *красное* и 'noir' *черное* образуют ингерентную изотопию по ингерентному признаку /цвет/, афферентную изотопию — по афферентному признаку /карьера/.

2.2. *По охвату*. По степени охвата в анализируемом тексте различают *локальные* и *глобальные* изотопии. По сравнению с локальными изотопиями глобальные изотопии имеют несравнимо большую протяженность. Например, в знаменитом романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» изотопия призвания оказывается настолько глобальной, что роман можно свести в предельно общем виде к ритори-

ческой амплификации вида: «Марсель становится писателем»¹⁵.

2.3. *По тактическому критерию.* По тактическому критерию, учитывающему дистрибуцию семем, локальные изотопии могут быть *чередующимися* или *пересекающимися*, т. е. образовывать соответственно обособленные или необособленные последовательности семем.

В полиизотопном тексте изотопии могут, кроме того, находиться в той же позиции: эти изотопии называют *взаимно наложенными*. Идеальным тому примером являются неоднозначные высказывания, отдельные означающие которых соотносятся сразу с двумя или несколькими означаемыми. В качестве иллюстрации возьмем хотя бы загадку сфинкса фиванскому царю Эдипу: *Кто ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех?* Чтобы найти правильный ответ, Эдипу требуется сначала понять, что означают помимо обиходного употребления *утром*, *в полдень* и *вечером*, а затем только решать, насколько согласуются между собой символические их аналоги в серийной транспозиции: 'утро' → ['младенчество'], 'полдень' → ['расцвет сил'], 'вечер' → ['старость']. Разгадка сводится, таким образом, к построению аналогии 'утро' : 'полдень' : 'вечер' :: 'младенчество' : 'расцвет сил' : 'старость', а построение аналогии — к экспликации, как надобно понимать проблемное высказывание, в виде перифразировки: *Человек в младенчестве ползает на четвереньках, в расцвете сил ходит прямо, а под старость опирается на посох*.

Так получаем в микросемантическом отношении две взаимно наложенные изотопии: в изотопии₁ в семемах 'утро', 'полдень' и 'вечер' актуализируется ингерентный признак /время суток/, в изотопии₂ — афферентный признак /возраст/. В отличие от изотопии₁, семемы изотопии₂ нелексикализированы. Поэтому перифразировать неоднозначное высказывание можно лишь при наличии интерпретантов в виде такого хотя бы суждения: «закат жизни» (Пла-

тон). За неимением таких интерпретантов нельзя с уверенностью утверждать, что утром означает «младенчество», в полдень — «расцвет сил», вечером — «старость».

3. *Иерархические отношения между изотопиями.* При интерпретации полиизотопных текстов возникает нередко вопрос, какая из конструируемых в микросемантическом анализе изотопий является более, а какая менее значимой в смысловом отношении. Руководствуясь количественным критерием, за главную можно принять такую изотопию, которая представлена в анализируемом произведении наибольшим числом семем¹⁶. Обратившись, например, к роману М. Пруста «В поисках утраченного времени», нельзя не заметить, что число семем, образующих изотопию времени, превышает существенным образом число семем, образующих изотопию призвания. Означает ли это, что изотопия₂ менее значима в смысловом отношении, чем изотопия₁? Очевидно, нет.

Количественные показатели позволяют действительно установить степень плотности или разреженности изотопии¹⁷, но вряд ли смысловую, эстетическую, этическую или какую-то иную ценность. Недаром многие авторы отдают предпочтение скорее качественным, нежели количественным критериям. Во всяком случае, в рамках предлагаемой А.-Ж. Греймасом и Ж. Курте классификации «денотативные vs коннотативные изотопии» пальма первенства отдается коннотативной, а в рамках классификации «тематические vs фигуративные изотопии» — фигуративной изотопии. Главным образом потому, что эти изотопии располагаются «на глубинном уровне» и тем самым заслуживают, по убеждению авторов, более пристального к себе внимания¹⁸.

Гипотезирование «глубинного» уровня в ущерб «поверхностному» не случайно. Исторически оно восходит, по-видимому, к сложившейся в герменевтике традиции — главенству фигурального смысла над буквальным в рамках фундаментального противопоставления: «буквальный» vs «фигу-

ральный», «телесный» vs «духовный». Так, поучая оглашаемых, как надобно понимать Писание, бл. Августин предостерегает не следовать букве, а «благоговейно чтить то невидимое, что скрывается под видимыми знаками» (Об обучении оглашаемых, 36, 2). Понять, как извлекается скрытый за словами смысл, можно хотя бы по преобразованию известных ветхозаветных мотивов: *дерева* как Креста, *ковчега* как будущей Церкви, *обитателей ковчега* как праведников, *спасения от потопа* как жизни во Христе: ср. «Дан был в потоке и прообраз того древа, чрез которое освобождаются праведные: будущей Церкви, которую Ее Царь и Господь Христос тайной Своего Креста

вознес над затопляющими волнами этого мира» (Об обучении оглашаемых, 25, 4) или «Почему Он был распят? потому что для тебя необходимо это дерево (*lignum*) Его уничижения. В своей гордости ты страшился Его, и тебя далеко унесло от родной земли. Волнами мирскими смыло дорогу туда; только на этом корабле (*lignum*) сможешь вернуться ты домой. Он сам стал дорогой, но она лежит через море, пройти сам пешком по морю ты не сможешь, тебя перенесет корабль, перенесет “Дерево” (=Крест); верь в Распятие, и ты сможешь вернуться» (Толкование на Иоанна, 2, 4).

Схематически такое преобразование можно представить следующим образом:

S ₂	‘Крест’	‘Распятие’	‘Церковь’	‘мир’	‘Господь’
↑	↑	↑	↑	↑	↑
S ₁	‘дерево’	‘корабль’	‘ковчег’	‘море’	‘дорога’

Теория двух смыслов остается востребованной и в наши дни. С тем лишь, пожалуй, единственным отличием, что буквальный смысл называют отныне *поверхностным*, *явным* или *очевидным*, а духовный — *глубинным*, *латентным* или *основным*. Причем независимо от используемой терминологии центральное место занимает, как и прежде, противопоставление *первичного* и *вторичного* смыслов, а вместе с ним и сопутствующее положение, будто завуалированный смысл превосходит в ценностном отношении явный смысл. Действительно, будь то психоанализ, структурная антропология или литературная критика, установка делается главным образом на «вторичный» смысл, как если бы «первичный» служил исключительно только целям покровы, а завуалированный был непременно основным.

Так, во фрейдистской теории толкования сновидений наиболее ценностным смыслом, на который ориентируется аналитик, признается латентный смысл, а его

сокрытие путем искажения, замещения или вытеснения в область бессознательно-го объясняется воздействием со стороны цензуры. Обращаясь, например, к сновидению, в котором пациенту снится, что он спасается бегством через анфиладу комнат, психоаналитик стремится определить, дабы обнаружить за этими образами «скрытые мысли», какое значение принимают в символической проекции *комната*, *анфилада комнат*, *передвижение бегом*. «Комнаты в сновидениях, — пишет З. Фрейд, — по большей части — женщины <...> Определения “закрытые” или “открытые”, очевидно, относятся сюда же. — Сновидение, в котором спящий спасается через анфиладу комнат, изображает публичный дом. — Лестницы, подъем по ним и сходжение — символическое изображение коитуса. <...> Столы — по большей части женщины; по всей вероятности, вследствие контраста их ровной поверхности с рельефностью женского тела. Так как “стол и постель” — необходимые атрибуты брака, то в сновиде-

нии первый нередко заменяет вторую и переносит иногда комплекс сексуальных представлений на комплекс “еды”¹⁹. И так далее и тому подобное.

Аналогично обстоит нередко и с анализом литературных произведений. Поскольку интерпретация сводится по определению к извлечению скрытого смысла из-под завесы явного²⁰, как если бы произведение создавалось исключительно ради этого смысла, главное — установить, какое символическое значение скрывается за каким-то на первый взгляд обыденным выражением. Анализируя, например, рассказы М. Зощенко, можно при желании провести аналогию между едой и сексуальными отношениями, содержимым кошелька и мужской потенцией («Аристократка»), в набалдашнике и усах кверху усмотреть фаллический символизм («Операция»), а в обстригании усов — комплекс кастрации («Веселая игра»)²¹.

Такого рода символическое толкование приемлемо, разумеется, только при наличии интерпретантов. Но даже в этом случае нельзя утверждать, замечает Ф. Растье, какой из смыслов является *глубинным*, а какой *поверхностным*, какой *основным*, а какой *второстепенным*²². Во-первых, потому, что анализируемый смысл находится в микросемантическом отношении на том же уровне анализа; во-вторых, потому что иерархия смыслов устанавливается в соответствии с аксиологическими установками интерпретатора.

Так, приходим к следующим выводам:

- Руководствуясь количественным критерием, установить в семном анализе можно разве только плотность и разреженность изотопий, но не складывающуюся между ними иерархию.
- Чтобы понять, какая из построенных изотопий является более, а какая менее значимой в ценностном отношении, количественные данные должны быть преобразованы в качественные данные.
- Установить, какие семные рекурренции релевантны, а какие случайны, можно

только по отношению к какой-то установке мнения в рамках определенной системы ценностей.

- Интерпретирующая семантика в состоянии только утверждать, как установка мнения влияет на стратегию интерпретации и как эта стратегия задает, наконец, формат толкования: идентификацию семем и построение изотопии.

• Поскольку в микросемантическом отношении все изотопии располагаются на том же уровне анализа, нельзя с очевидностью утверждать, для этого требуется теория аксиологий, какая из установленных в анализе изотопий является более, а какая менее значимой в аксиологическом отношении. Единственно, что позволяет семный анализ, так это только произвести востребованные в данном контексте мнения операции по семантическому преобразованию семемы. Так, обратившись, например, к выражению «les belles joues de l'oreiller» (М. Пруст), содержание семемы 'oreiller' *подушка* можно установить в символической проекции не только в отношении к 'joues' *щеки*, но и, как ни странно, в отношении к 'sein' *женская грудь*. Причем в психоаналитической интерпретации наиболее ценным будет, конечно же, не сохранение каких-то общих признаков типа /округлый/, /мягкий/ или /пухлый/ и даже не погашение несовместимого признака /предмет/ или /для сна/ , а скорее добавление афферентного признака /либидинальный/.

- В микросемантическом анализе иерархию между изотопиями можно установить лишь по соотношению участвующих в их построении ингерентных и афферентных сем: чем меньше афферентных сем, тем проще идентификация семем и тем проще, стало быть, построение изотопии. Значительно проще построить изотопию, например, между 'eau' *вода* и 'coule' *течет* в выражении вида *l'eau coule* «вода течет» — по ингерентному признаку /текучесть/, нежели между 'soleil noir' *черное солнце* и 'mélancolie' *меланхолия* в выражении вида

le soleil noir de la mélancolie «черное солнце меланхолии» — по афферентному признаку /дисфория/.

4. *Вместо заключения.* Определяя изотопию в отношении к семантической избыточности, нельзя не задаться вопросом, какую избыточность принимать во внимание, а какой пренебрегать. Без критерия релевантности здесь, конечно же, не обойтись. Сообразуясь с таким критерием, семную рекуррентцию следует изучать не как таковую, а разве только как отвечающую оптимальным условиям толкования. Поэтому в определении изотопии избыточность сопрягается необходимым образом со связностью, согласованием, а в пределе — с пониманием анализируемого высказывания или текста.

Действительно, всякое понимание изотопно в той мере, в какой стремится к связности, но конструируемая в ходе анализа изотопия — не данность, а результат построения. В этом она отличается принципиальным образом от семантических ограничений на сочетаемость слов: в отличие от селекционных ограничений, предписанных системой языка, построение изотопии совершается непосредственно в контексте.

Это особенно наглядно при идентификации семем в полисемных означающих. Так, во французском выражении *je vole*, например, допускаются по меньшей мере два толкования в зависимости от того, какое значение принимает в контексте глагол *voler*: «летать» или «красть». Отсюда игра слов в крылатой фразе, сказанной по поводу Наполеона III, конфисковавшего имущество Орлеанского дома: «C'est le premier vol de l'aigle» *Это первый полет орла.*

В сочетании «vol de l'aigle» *полет орла* нет, казалось бы, никакой двусмысленности: руководствуясь системой языка, нельзя установить принципиальное его отличие от сочетания «vol du coq» *полет кукушки*. Между тем в символическом значении «хищная птица семейства ястребиных» соотносится традиционно с императором всех французов. Поэтому теорети-

чески возможными становятся такие перифразировки:

1) *Это первый полет орла.* Между семемами 'vol' *полет* и 'aigle' *орел* устанавливается элементарное отношение изотопии: во-первых — по родовому признаку /птица/, который актуализируется в 'vol' *полет* в контексте «aigle» *орел*; во-вторых — по видовому признаку /передвижение по воздуху/, который актуализируется в 'aigle' *орел* в контексте «vol» *полет*. При этом указанные семантические признаки являются в обоих случаях ингерентными.

2) *Это первая кража орла.* Между семемами 'vol' *кража* и 'aigle' *орел* устанавливается элементарное отношение изотопии по видовому признаку /хищный/, который актуализируется в 'vol' *кража* в контексте «aigle» *орел*.

3) *Это первый полет императора.* Между семемами 'vol' *полет* и 'aigle' *орел* устанавливается элементарное отношение изотопии по афферентному видовому признаку /имперский/: актуализация социально кодифицированного афферентного признака /имперский/ в 'aigle' *орел* («император») позволяет актуализировать соответствующий признак в 'vol' *полет* («размах»). Причем актуализация афферентного родового признака /человек/ в 'aigle' *орел* («император») сопровождается нейтрализацией ингерентного родового признака /птица/.

4) *Это первая кража императора.* Между семемами 'vol' *кража* и 'aigle' *орел* («император») устанавливается элементарное отношение изотопии по видовому признаку /противоправное действие/, который актуализируется в 'aigle' *орел* («император») в контексте «vol» *кража*. Причем в качестве агенса противоправного действия ('vol' *кража*) 'aigle' *орел* («император») получает в данном контексте негативную оценку. Отсюда оценочный хиазм: «император» /оценка +/ vs «кража» /оценка —/.

Так приходим к принципиальным для интерпретирующей семантики положениям:

• По конструируемой в ходе анализа изотопии можно судить, как оформляется в понимании субстанция содержания и какие профилируются при этом компоненты значения. Так, в разбираемом выше высказывании субстанцию содержания образуют *in potentia* все гипотетически возможные компоненты значения, а форму — такие и только такие компоненты, по которым выстраиваются в диапазоне допустимого варьирования отношения изотопии между входящими в высказывание семемами.

• В качестве фактора понимания изотопия — не данность, а результат построения. Построение изотопии зависит необходимым образом от стратегии интерпретации, а стратегия — от переменных систем знаний, мнений или убеждений, на которых основывается в той или иной степени понимание. Так, в изотопии₁ это таксономические знания о свойствах пернатых, прежде всего семейства ястребиных, в изотопии₃ — знания в области имперской символики, а в изотопии₄ — знания вполне конкретного исторического факта, кем и когда было конфисковано в пользу государственной казны имущество Орлеанского дома, и какой эта конфискация получила общественный резонанс.

• Идентификация семем, как и устанавливаемое при их посредстве отноше-

ние эквивалентности, совершается по презумпции изотопии. В этом качестве изотопия есть не что иное, по сути, как семантическое выражение «предпонимания» (М. Хайдеггер) или «антиципации смысла» (Х.-Г. Гадамер).

• Изотопные отношения между семемами устанавливают:

— от ингерентной семы одной семемы к ингерентной семе другой семемы: например, актуализация ингерентного родового признака /птица/ в ‘aigle’ *орел* позволяет актуализировать аналогичный признак в ‘vol’ *полет*; актуализация ингерентного видового признака /передвижение по воздуху/ в ‘vol’ *полет*, позволяет актуализировать аналогичный признак в ‘aigle’ *орел*;

— от ингерентной семы одной семемы к афферентной семе другой семемы: например, актуализация ингерентного видового признака /противоправный/ в ‘vol’ *кража* позволяет актуализировать соответствующий признак в ‘aigle’ *орел* (‘император’);

— от афферентной семы одной семемы к афферентной семе другой семемы: например, актуализация афферентного признака /имперский/ в ‘aigle’ *орел* позволяет актуализировать соответствующий признак в ‘vol’ *полет* (по аналогии вида ‘aigle’ *орел* : ‘vol’ *полет* :: [‘empereur’] *император* : [‘actions’] *поступки*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Greimas A. J. *Sémantique structurale*. — Paris, Larousse, 1966.

² Ibid. P. 30.

³ Greimas A. J. *Du sens*. — Paris: éd. du Seuil, 1970. — P. 10.

⁴ Arrivé M. Pour une théorie des textes poly-isotopes // *Langages*. — 1973. — N 31. — P. 54.

⁵ Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. *Общая риторика*. — М.: Прогресс, 1986. — С. 78; Моль А. *Теория информации и эстетическое восприятие*. — М.: Прогресс, 1966. — С. 83–85, 92; Растье Ф. *Интерпретирующая семантика*. — Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. — С. 100–101.

⁶ Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. Указ. соч. С. 76–77; Растье Ф. Указ. соч. С. 100–101.

⁷ Pottier B. *Linguistique générale. Théorie et description*. — Paris: Klincksieck, 1974. — P. 326; Rastier F. Ah! Tonnerre! Quel trou dans la blanquette! Essai de sémantique interprétative, in *Langue française // Sémiotique et enseignement du français*. — 1984. — N 61, février. — P. 29; Растье Ф. Указ. соч. С. 38, 113–114.

⁸ Апресян Ю. Д. *Лексическая семантика // Избранные труды*. — М.: Языки русской культуры, 1995. — Т. 1. — С. 14–15; Гак В. Г. *К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971*. — М.: Наука, 1972. С. 367–395.

⁹ *Greimas A. J.* Sémantique structurale. P. 30, 69; *Greimas A. J.* Du sens. P. 188; *Arrivé M.* Op. cit. P. 53–63; *Pottier B.* Op. cit. P. 326; *Rastier F.* Pour une systématique des isotopies // *Greimas A.-J., éd., Essais de sémiotique poétique.* – Paris, Larousse, 1972. – P. 80–106.

¹⁰ *Greimas A. J.* Sémantique structurale. P. 96.

¹¹ *Растье Ф.* Указ. соч. С. 210.

¹² *Schleiermacher F. D. E.* Herméneutique. Pour une logique du discours individuel. – Paris: éd. du Cerf, 1989. – P. 24, 160–167, 188; *Дильтей В.* Герменевтика и теория литературы // Собрание сочинений в шести томах. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – Т. 4. – С. 195, 243.

¹³ *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – С. 348.

¹⁴ *Растье Ф.* Указ. соч. С. 118–137.

¹⁵ *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // *Фигуры: В 2 т.* – М.: Изд-во им. Сабашиных, 1998. – Т. 2. – С. 68.

¹⁶ *Van Dijk T.* Aspects d'une théorie générative du texte poétique // *Greimas A.-J., éd., Essais de sémantique poétique.* – Paris, Larousse, 1972. – P. 202; *Rastier F.* Pour une systématique des isotopies. P. 88, 95–96.

¹⁷ *Растье Ф.* Указ. соч. С. 124.

¹⁸ *Greimas A. J., Courtés J.* Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. – Paris: Hachette, 1979. – P. 62, 197–198; *Greimas A. J.* Sémantique structurale. P. 98–99.

¹⁹ *Фрейд З.* Толкование сновидений. – СПб.: Алетея, 1998. С. 303–304.

²⁰ *Рикёр П.* Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – М.: Искусство, 1996. С. 51.

²¹ *Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. – М.: Языки русской культуры, 1999. С. 20–21, 24–25, 63.

²² *Растье Ф.* Указ. соч. С. 179–228.